

АРМИН МОЛЕР

ВЗГЛЯД СПРАВА

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 321.01
ББК 66.0
М75

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Андрей Васильченко.

Молер, А.

М75 Взгляд справа. — М.: Тотенбург, 2026. — 372 с.

Книга швейцарского мыслителя Армин Молер «Взгляд справа» — программный сборник эссе, посвященный переосмыслению правой интеллектуальной традиции в послевоенной Европе. Молер стремится реабилитировать наследие немецкого консерватизма и феномен «Консервативной революции» Веймарской республики, последовательно отделяя его от идеологии национал-социализма.

Автор анализирует идеи ключевых фигур европейской правой мысли — Эрнст Юнгер, Карл Шмитт, Освальд Шпенглер, Эрнст Никиш, Луи-Фердинанд Селин, а также французских, итальянских и русских мыслителей, затрагивая темы геополитики, критики прогрессизма, роли мифа и метаполитики.

Именно благодаря этой работе закрепился термин «Новые правые» (Neue Rechte), обозначающий стратегию культурного влияния как предпосылки политических изменений. «Взгляд справа» стал ключевым ориентиром для нескольких поколений правых интеллектуалов и одновременно объектом острой критики. Книга остается важным источником для понимания идейных истоков и эволюции современной европейской правой мысли.

УДК 321.01
ББК 66.0

© Андрей Васильченко,
перевод с немецкого, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ДЕБАТЫ О КОНСЕРВАТИЗМЕ	6
1. Консерватор в технической цивилизации	6
2. Почему бы и не консервативный?	33
3. Письмо итальянскому другу.....	41
4. Керенские культурной революции	55
РЕАЛИСТИЧНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.....	66
5. Чикагская тезисная записка (документ конференции) № 5 о голлизме	66
6. Внешняя политика авансовых уступок	82
7. Доктрина Брежнева для Федеративной Республики Германии.....	86
8. Путь в Пекин.....	91
9. Бухманн. Франция	96
НЕМЕЦКАЯ ПОЗИЦИЯ.....	108
10. Задача.....	108
11. Демократия гувернанток.....	113
12. Новый классовый конфликт	119
МИЛАЯ, НЕЖНАЯ ФРАНЦИЯ (<i>DOUCE FRANCE</i>).....	127
13. Национальный якобинизм Франции.....	127
14. Памятник пожимает мне руку	146
15. Шарль де Голль и голлизмы	151
ОБЛАСТИ ХОЛОДА	188
16. Жорж Сорель	188
17. Фашистский стиль	195
18. Легенда о Никише (I)	242
19. Легенда о Никише (II).....	247

РЫЦАРИ ПЕРА	251
20. Дело Кирста	251
21. Пауль Карель	263
22. Иоахим Фернау	267
23. Рабочий день писателя.....	271
24. Магнискрибенц (I).....	292
25. Магнискрибенц (II)	296
ЛОШАДИНАЯ ДОЗА	300
26. «Нацисты 1966».....	300
27. «Пари-Матч» не может остановиться	304
28. Налево, в фельетон. Диковинки из ФАЦ	306
29. Герника.....	312
30. Письмо читателя в «Цайт»	317
ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ.....	319
31. Мимолетный взгляд на поэта	319
32. Визит к Селину	323
33. Исландия	330
34. Картины-механизмы Пьера Боннара.....	337
35. О милости быть баварцем.....	342
ЛИЧНОЕ.....	349
36. После охоты на ведьм	349
37. Воспоминание о друге	359
БИОГРАФИЯ АРМИНА МОЛЕРА	
(СОГЛАСНО ИЗДАНИЮ 1974 ГОДА)	364
Литературная деятельность	
(по состоянию на 1974 год)	366
Журналистская деятельность	368

Предисловие

В настоящее время по немецким землям прокатилась волна салонного консерватизма. Современники, которые на протяжении десятилетий воскурляли фимиам левому или, по меньшей мере, левoliberalному духу времени, ныне пытаются укрепить свои позиции под консервативным (или же «либерально-консервативным») знаменем. Таким образом, возникает впечатление, будто консерватизм — это всего лишь продолжение либерализма другими средствами; он превращается в нечто произвольное, бесформенное.

Какова же цель этой книги в сложившейся ситуации? Консервативный публицист очерчивает в ней круг своих взглядов. Он хочет показать две вещи. Во-первых, что «консервативный» — это не смутное чувство и не алиби для тех, кто хочет капитулировать. Во-вторых, что консерваторы, в отличие от своих оппонентов, не застряли на баррикадах XIX века, а видят проблемы сегодняшнего дня. Консерваторов, собственно говоря, прошлое интересует гораздо меньше, чем некоторые полагают (или хотят заставить поверить в это), — их куда больше увлекает то, что есть. Поэтому «Взгляд справа» означает: видеть реальность не через утопические или морализаторские очки, а в ее парадоксальном, сложном единстве.

1. Консерватор в технической цивилизации

С момента выхода моей первой книги «Консервативная революция» (1950) я неоднократно высказывался по вопросу «Что такое консервативное?». В западногерманской публицистике эта дискуссия поначалу шла в привычной колее. Несколько оживилась она лишь тогда, когда в начале шестидесятых годов стала вырисовываться эра Аденауэра. По мере того как рука Великого Старца постепенно ослабевала, стали видны зачатки левого движения, а с ними — и зачатки правого. Систематически дебаты о консерватизме начались в 1962 году с дискуссии в журнале «Монат» («Месяц»), которую я открыл статьей «Консервативный. 1962 год» в апрельском номере. В последующие годы я вновь и вновь предпринимал попытки провести разграничительные линии, например, 15 августа 1964 года в цюрихской «Вельтвохе» («События в мире за неделю») статьей «Федеративная Республика и новые консерваторы» или 15 июля 1967 года в газете «Вельт» («Мир») статьей «Удобный тупик... или Консерватор в обществе потребления». На расстоянии видно, что эти статьи, со многими своими оговорками, все еще полностью принадлежат атмосфере освоения прошлого в Федеративной Республике; во многом они были шагом назад по сравнению с той первой книгой, написанной еще в Швейцарии. По-настоящему «за живое» немецкая дискуссия о консерватизме задела лишь в год бунта — 1968-й, когда стал очевиден уход левых из истории, их погружение в ностальгию. В этом году была написана первая статья для данной книги. Она вышла под названием «Консервативный. 1969 год» в сборнике «Формулы немецкой политики», где Висдемский и Гюнтер Мюллер очертили позицию социал-демократов, Шиль и Ганс Райф — либералов, Гуттенберг и Молер — консерваторов.

Для обращения к немецкому «консерватизму» сегодня сложился излюбленный ритуал. Недавно в еженедельнике, стремящемся представлять католицизм в духе времени, появилась статья, весьма наглядно это иллюстрирующая. Ее автором был известный публицист, охотно причисляющий себя к «либеральным консерваторам»,

но на деле усердно помогающий сместить центр тяжести истеблишмента влево от центра. В статье сетовали на «молчание» консерваторов. Как раз сейчас, когда левые поднимают столько шума, консервативные голоса нужны как никогда. Поэтому-то так досадно, что консерваторов «лишили дара речи».

Что же лишило консерваторов дара речи, из статьи тоже стало вполне ясно. Ее автор, правда, заявил о консерватизме: «Он еще есть, слава Богу». Однако из того, что последовало за этим вздохом облегчения, можно было понять, что автор помимо себя самого видел на политической сцене немного «консерваторов». А причина была попросту в том, что всех, кто был «консервативным» иным, нежели он, он объявил маргиналами. Для него они уже не принадлежали к консерватизму; для них у него были наготове слова-проклятия: «реакция, диктатура, фашизм». Чем мы и подошли к констатации, которой должно предшествовать любое рассмотрение современного консерватизма: само определение того, что есть «консервативное», уже является политическим актом.

Консерватор как возмутитель спокойствия

Вот ситуация 1969 года: консерватора приветствуют в теории, но на практике — повсюду, где он появляется, — с ним борются. В нашем обществе изобилия консерватор играет весьма странную роль. Он наполовину принадлежит ему, наполовину — нет. Формирующие общественное мнение институты подтверждают, что и это общество в нем нуждается; но в то же время предписывают, каким он должен быть и какую черту ему не позволено переступить. Консерватора охотно выставляют на показ, чтобы на его примере продемонстрировать плюралистическую широту взглядов — однако одновременно

за ним пристально и подозрительно следят. Почему? Больше всего общество изобилия боится акцента на «примате политического» — превыше всех конъюнктурных, социально-бытовых и досуговых соображений. И именно консерватору, как полагают, такая позиция присуща больше всего.

Изнутри на это можно ответить лишь одно: большинство нынешних консерваторов подобное подозрение чудовищно преувеличивает. Они, как правило, вовсе не так уверены в своей правоте. Отдельно взятому консерватору приходится противостоять общественной атмосфере, которая пытается внушить ему, что он и ему подобные — «отсталые хвосты, рудименты мировой истории». Он чувствует, что многим согражданам кажется обузой. Не то что бы его идеи считали ошибочными — многие консерваторы упускают из виду, что дело вовсе не в этом. Скорее боятся, что подобные идеи, сколь бы верны они ни были, могут доставить неудобства. А неудобства в наше время означают одно: помехи в потреблении. В конце концов, и сам консерватор начинает верить, что экспресс истории мчится в прямо противоположном от избранного им направлении.

Эта неуверенность почти гротескно проявилась в серии дискуссий журнала «Монат» в 1962 году. В их рамках видных консерваторов спрашивали, что же, по их мнению, означает «быть консервативным». Ответы в большинстве своем были весьма расплывчаты; для одного суть, казалось, заключалась в том, что консерватор «смотрит вверх», другой указывал на создание зеленых зон в промышленных районах как на консервативный поступок. Ничего не имея против зеленых насаждений, нельзя не отметить показательную осторожность большинства опрошенных, ограничивавшихся культурной сферой. Разве что кто-то осмеливался еще назвать себя «христианским консерватором» — для этого в официоз-

ном плюрализме еще есть место. Однако чем ближе консерватор подбирается к сфере политики, тем жарче становится, и тем больше он рискует обжечь себе пальцы.

Данное положение «полугетто» сохраняется и по сей день. Показательно, что в Федеративной Республике нет значимой политической группы, открыто выступающей под вывеской «консервативной». Отговоркой служит уже довольно избитая формула о том, что консерватизм «пронизывает все партии» — что это общечеловеческая «позиция», поэтому не нуждающаяся в политической локализации. Вот почему в голову почти не приходит ни одного политика, которого с чистой совестью можно было бы назвать консерватором. Разве что определенные социальные слои (отнюдь не богачи) можно обозначить как латентно консервативные. Но если это слово вообще должно что-то конкретно означать, то остается лишь констатировать: в наше время консервативны лишь одиночки, по большей части писатели и публицисты, вовлеченные в (интеллектуальные) партизанские действия.

Партизанские — тем более что эти консерваторы между собой, если и не враждебны, то, как правило, лишены солидарности. На правом фланге редко встречается та самая естественная групповая солидарность, которая на левом при внешних атаках возникает почти автоматически, поверх всех фракционных разграничений. Найдется немало консерваторов, которые под ярлыками вроде «либерально-консервативный» или «христианско-консервативный» пытаются спастись от демагогического клейма экстремиста («реакция, диктатура, фашизм») и потому бросают соседа на растерзание волкам, объявляя его «псевдоконсерватором». И этот рецепт их спасает — до тех пор, пока они остерегаются касаться по-настоящему острых вопросов. А эти острые вопросы — какими бы насущными ни были культурные, экономические, социальные и религиозные проблемы — есть и остаются

вопросами политическими, вопросами бытия или небытия: договор о нераспространении ядерного оружия, преодоление прошлого и внутренний суверенитет, выбор партнеров во внешней политике, противостояние тоталитаризму (нынешнему, разумеется, а не тому, что был когда-то).

Консерваторы. «Кто есть кто?»

Вот как, собственно, и делятся «консерваторы» — в зависимости от степени безбидности, которую им готов признать противник. «Культур-консерваторам» (Харп-прехт, Хольтузен, Зидлер, Гюрстер, Иоахим Гюнтер и др.) право участвовать в плюралистическом концерте ограничено лишь в малой степени — почти так же, как и официальным защитникам политического «либерального консерватизма» (Герстенмайер, Меркац, Мюленфельд, Ибах, Гайтанидес, Йоханнес Гросс, Цодель, швейцарский национальный советник Петер Дюрренматт). Далее идет целый ряд «парциальных консерваторов», которым в облегчение идет то, что они принимают консервативные установки лишь выборочно. У Маттиаса Вальдена и Кремера-Бадони их яростный антикоммунизм так же мало скрывает их либерально-левую основную позицию, как у Цизеля его культурно-политические идиосинкразии — этический пуризм, который отделяет его от скорее скептических консерваторов. Хельмут Шек может быть сколь угодно привлекателен для консерваторов своей критикой общества — его слепота к тому в государстве, что выходит за пределы общества, ясно указывает на него как на представителя иного либерализма (либерализма Репке). Зоненфлюхтлингам, то есть «беглецам от солнца», «боящимся загара» Цему и Г. Д. Зандеру идет на пользу то, что они владеют языком левых лучше их самих; Фредеричиа-Петваидич защищен своим кик-шармом, как и

северные немцы Барник и Герхард Небель — своей грубоватой маской чудаков. В схожем положении находятся те авторы, которые хотя и часто занимают довольно резкую политическую позицию, но в силу своего еврейского происхождения избавлены от худших оскорблений (Шепс, Торберг, Шламм, Людвиг Фройнд, покойный Роберт Ингрим). Молодость тоже может служить определенной защитой, как показывает пример Марселя Хеппа: его книгу против договора о нераспространении ядерного оружия мог написать лишь тот, кто уже поколенчески свободен от всех тягот.

Впрочем, не все гетто одинаково плотны. То, в которое помещают консерваторов, движимых в первую очередь религией, не имеет слишком высоких стен. Это относится как к католикам (Регеле, Антон Бем, П. В. Венгер, Элимар фон Фюрстенберг, Пеш, Берглар, Кюнельт-Леддин и др.), так и к протестантам (Вильгельм Штэлин, Шомерус и др.). Пастор Эвертц как представитель «Союза помощи евангелических немцев», напротив, уже ближе к тому более солидному гетто, в которое загоняют в качестве «национального консерватора» или «право-консерватора» (и где среди прочих уже томятся Мартини, Штудниц, Эмиль Францль, Шренк-Ноцинг и автор этих строк).

Однако на этом топография консервативного лагеря еще не завершена. Эти публицисты, втянутые в ближний бой — если перейти к более холодному образу, — лишь та часть айсберга, что возвышается над водой. Со стороны когда-нибудь, наверное, констатируют, что в эти первые два десятилетия Федеративной Республики самые интенсивные и долговременные консервативные импульсы исходили от людей, выражавших себя опосредованно, через объект. Мы думаем об исторических и современных рассказчиках, противопоставляющих левым легендам описание того, что было; о поэтах и художниках, чьи произведения и поэтики действуют своим инако-

вым бытием; прежде всего о представителях самых разных наук, которые в своих областях приходят к результатам, не остающимся без обратного воздействия на общее сознание. Все это проникает глубже, потому что действует бессознательнее, чем идеологические концентраты консервативных публицистов. Но пока это ускользает от описания. Вернемся на арену.

Вопрос Гретхен

Было бы неверно сводить очерченную группировку консервативных публицистов лишь к внешнему давлению и степени их стойкости. Существует и серьезный предметный спор, который их разъединяет. Все внутренние битвы, все образования фракций в консервативном лагере и все более частый уход именно молодежи из этого лагеря восходят к одному судьбоносному вопросу. Это вопрос, который консерваторов волновал всегда, сегодня же — еще острее, чем прежде: что остается? — и что меняется?

Острота этого вопроса сглаживается смыслом слова *conservare* (лат. «сохранять»). Оно склоняет постороннего (а порой и самих консерваторов) к предположению, что консервативное исчерпывается судорожным стремлением либо поддерживать жизнь устаревших исторических состояний, либо даже — если они полностью ушли в прошлое — возвращать их к жизни (их «реставрировать»). Само собой разумеется, для консерваторов никогда не было тайной, сколь многое меняется, сколь многие исторические состояния и формы преходящи. Но их всегда волновал вопрос, лежат ли в основе меняющихся состояний — и в какой мере — одни и те же структуры. Это Альбрехт Эрих Гюнтер выразил в знаменитой формуле: «Консервативен не тот, кто цепляется за вчерашний день, а тот, кто живет тем, что действительно всегда».

Как и все формулы, под которыми подразумевает себя большое число людей, и эта неопределенна и обща. В переводе в конкретное измерение она означает примерно следующее: человек, живущий в красивом старом доме, покинет его, если тому грозит обвал, а зыбкая почва не позволяет нового строительства. Здание, которое он возведет в другом месте, не будет таким же. Он воспользуется имеющимися там материалами и способами постройки, и если с момента постройки того старого дома добавились новые функции жилища, он предоставит им в новом строении место и простор. Даже стиль прежнего дома он не станет перенимать, если его время обладает собственным, уверенным чувством стиля. И все же новостройка будет иметь с прежним домом общее в главном: она должна быть стабильной, защищать от внешней среды, пропускать свет, позволять отапливаться, делить пространство, открывать двери и т. д. Здесь вариаций меньше, чем можно подумать. Разве что по идеологическим причинам спутать окна со стенами и упустить из виду, что человеку нужно не только солнце и свет, да и избытка солнца и света он вовсе не выносит.

Если кто-то вселяется в дом, в котором есть только стены без проемов или, другой вариант, стен вообще нет, то само собой разумеется, что он исправит это положение, т. е. снова приведет элемент стены и элемент проема в разумное соотношение. Консерватор сегодня находится в курьезном положении: ему хотят не позволить ничего подобного. Он должен «сохранять» тот абсурд, который находит, и не должен противиться тому абсурду, что разыгрывается у него на глазах, потому что это, мол, «псевдоконсервативно». При этом его отнюдь не утешает, что правящие мнением навязали ему такую смирительную рубашку с красивыми изречениями Берка на вышивке.

Ловушка Берка

Ничего не имею против Берка — этот консервативный классик был великим человеком. Но сегодня его используют в своих целях те, кто абсолютизирует присутствующую ему историческую форму консерватизма и стремятся тем самым задушить любую иную, необходимую для нашей ситуации форму консервативного начала. И цитировавшийся вначале публицист тоже «своего» Берка читал. В упомянутой статье он пишет: «Быть консерватором — значит сомневаться в рациональной осуществимости, в надежде на организацию, во всемогущество государства. Быть консерватором — также значит не доверять человеку, который, как всем уже известно, может быть бездонно глубок. Быть консерватором — значит ничего не менять без необходимости, ибо любое изменение таит в себе опасность, впускает в игру дьявола, великого смутьяна, может сбить человека с толку и лишить опоры, превратить его одновременно и в диктатора, и в песчинку в наносном песке».

Все это верно. Автор довольно точно описал консервативный фундаментальный настрой. Однако недопустимо выводить из подобного базового настроения лишь одну, единственно возможную практическую линию поведения — а именно бездействие. Процитированное определение, правда, страхуется от подозрения в подобном намеке оговоркой «без необходимости». Но де-факто оно именно это и делает. Ведь оно признает лишь виртуозно сформулированный Берком консерватизм: то есть либеральный консерватизм, который для стран с непрерывной традицией, таких как Англия и Швейцария, может быть и сегодня осмысленным — поскольку там, возможно, еще можно ограничиться возвращением и уходом за тем, что растет само собой, и периодической про-

полкой сорняков. Все же иные возможные следствия из того базового настроя зачисляются в разряд «реакции, диктатуры, фашизма». Этот притязающий на абсолютность либеральный консерватизм может сослаться на то, что сами консерваторы лишь слишком часто выводили из того первичного настроя именно такое квиетистское учение как единственно возможное следствие.

В продолжение традиции не только Берка, но и Токвиля, и Юстуса Мезера сложилось вторичное, невнятное бормотание, которое и поныне культивируется в «консервативных» кругах. Оно с убийственной регулярностью заставляет практически все беседы о консерватизме, практикуемые не только в замках, но и в академиях, вращаться по кругу.

В качестве примера может послужить текст Карла Антона принца Рохана, отличающийся от прочего разве что более изящной формой. Принц опубликовал его в 1937 году в своей книге «Роковой час Европы», но, очевидно, считает его актуальным и по сей день: о чем свидетельствует распространение этого текста через пресс-корреспонденцию три десятилетия спустя. Рохан определяет консерватизм и его противоположность так: «Якобинцы, а таковые есть не только слева, понимают под консервативным программой, политическую философию, мировоззрение, веру... Но быть консерватором — это установка. Противоположность консервативному — это радикальное. Революции всегда начинаются радикалами и, как правило, доводятся до цели консерваторами». Кто подразумевался под «не только слева», ясно: Роан, издававший тогда, в 1937 году, еще один из лучших консервативных журналов — «Европейское обозрение», нацеливался этим на национал-социалистов.

Консерваторы как садовники?

Однако то, что это различие применимо не только к «коричневым якобинцам» (как называл их Эмиль Францель), показывает сравнение Роханом двух типов душевного склада: «Радикал — оптимист, верит, что может изменить мир и улучшить его в духе своих тезисов; консерватор — скептик и пессимист и стремится к наилучшему возможному... Он в историческом смысле связан с действительностью и склонен недооценивать волю и собственные возможности; консерватор ведет себя как любящий садовник; радикал — как школьный учитель. Будучи убежденным в обладании истиной и исторической правдой, он верит, что может вбить это свое мировоззрение в головы своих учеников с принудительной силой педагога; консерватор позволяет своим детям расти самостоятельно и считает вероятным, что они со временем займут мировоззренчески свою собственную позицию или, по крайней мере, будут следовать иным идеалам, нежели он». Кто не хотел бы в этом смысле быть консерватором?

Тем не менее эта смесь из верного описания консервативного базового настроения (скептик, поиск наилучшего возможного, т. е. наименьшего зла) и поспешного определения практики (консервативное лишь как установка, садовник, самостоятельный рост) дает неконсерваторам формулу, с помощью которой они могут ограничить консерваторов пассивной ролью садовника, ухаживающего за данным статус-кво. Если у консерватора возникает неудобная мысль, он сразу попадает под подозрение в идеологичности, ведь быть консерватором — это всего лишь «установка». Знак «Мысль и действие запрещены» тотчас встает перед носом консерватора, как только его охватывает недовольство каким-либо положением вещей. Если же он попытается даже вместе с другими

консерваторами создать организационную структуру (причем, в соответствии с тем базовым настроем, он наверняка не будет переоценивать организаторское начало), ему тут же можно противопоставить Рохана: «Противоположность между консервативным и радикальным — это не вопрос мнения; различие лежит в сущности, в субстанции, во всем отношении к жизни. Во всех лагерях есть консерваторы и радикалы».

Но если консерватор все же осмеливается — будь что будет с этой «идеологией» — мыслить, он скоро обнаруживает слабое место формулы Рохана: оно кроется там, где принц в окружении национал-социалистической среды дает сквозить надежде, де, консерваторы смогут приручить НС-революцию. Укрошение революции удалось, к примеру, Наполеону — то есть жесткому, деятельному человеку, самому вышедшему из революционного водоворота, которого при всем желании нельзя стилизовать под консерватора-садовника. В нем можно разве что обнаружить отдельные элементы такого консерватизма (Рохан: «Существуют смешанные типы, которые в различных лагерях или сферах жизни реагируют то радикально, то консервативно»).

Переломные моменты немецкого консерватизма

Безусловно, такие «садовничьи» консерваторы были весьма на руку национал-социалистам. Их можно было с успехом использовать в качестве респектабельного украшения тоталитарного государства — составить же реальную угрозу они были неспособны. Разумеется, Рохан прав, утверждая: «Для всякого радикала всегда оказывался неправ мир, а не он и не его истина, если события развивались иначе, нежели он полагал. Радикал лишен благоговения перед жизнью; консерватор же знает, что нико-

гда не сможет до конца постичь ее законы и потому, в конечном счете, никогда не бывает удивлен». И здесь вновь верно схвачена основополагающая консервативная настроенность. И вновь консерватор должен остерегаться сделать из этого для практики неверный вывод — будто существующий статус-кво следует принимать при любых обстоятельствах. К этому Рохан опасно близок, продолжая: «Как у садовника растение, так у него жизнь почти всегда права; лишь иногда и после самого тщательного размышления следует обрезать дикие побеги». Но всегда ли эти «побеги» — лишь наросты на в остальном здоровой ветви? Тот, кто три десятилетия назад среди консерваторов перепрыгнул через возведенную им самим «садовничью» ограду и отверг тоталитарное государство как таковое, кончал на виселице.

Конечно, альтернатива не всегда столь драматична. Следующая формула Рохана весьма соблазнительна: «Консерватор пестует форму. Для него реально лишь оформленное. Радикал же охотно верит в реальность уже там, где есть лишь намерение или идея. Потому радикализм легко ведет к бесформенности и распаду всякого оформления либо же к господству абстракций...». Как раз на этой формуле становится видна слабость обычного либерального консерватизма. Несомненно, сопротивление тирании абстракций, неприятие измерения и оценки действительности с позиций абсолютных критериев — это консервативный основной инстинкт. Но кто поручится консерватору, что в каждой исторической ситуации он сможет отступить на позиции «формы»? Что тогда, когда та самая «распадающаяся» форма уже давно стерта в прах теми самыми абстракциями?

Именно такова была ситуация немецкого консерватизма после катастрофы 1945 года. Для консерваторов-католиков эта проблема ощущалась менее остро, поскольку их поддерживала (тогда еще не поколебленная)

догма Церкви; Германский рейх был проигравшим в 1945-м, но не Католическая Церковь. В протестантской же среде, где христианство в лучшем случае играло роль «бессознательной религии» (как в трактовке Макса Вебера), — именно здесь возрождение консерватизма приняло подчас гротескные черты.

Виртуозность, с которой национал-социалисты использовали и извращали консервативные традиции, оставила в этой сфере глубокую неуверенность. словно со времен Берка и Мезера ничего не изменилось, люди укрывались в «садовничьем» консерватизме, который был бы чужд даже самому Мезеру или Берку в их эпоху. «Сохранять» хотели в такое время, когда наличная действительность, единственно подлежащая сохранению, состояла в первую очередь из разрушенных городов, концлагерей, примитивного бартера, общества, регулируемого доносами, и прочего, что поистине не заслуживало сохранения. В этой ситуации, которую можно было преодолеть только самым активным вмешательством и «радикальным» переосмыслением, выступали подлинные «консерваторы» и проповедовали лишь уход, да в крайнем случае обрезку буйных побегов! Они довольствовались этим расхожим и, к их удовольствию, безобидным пустословием. Лучше бы они молчали. От этого исторического провала немецкий консерватизм не оправился по сей день — сколь бы блестящие перья ни отросли у него с тех пор в оперении. С той поры на нем лежит проклятие необязательности.

Однако некоторые консерваторы, кажется, лелеют надежду на стабилизацию ситуации. Сумеют ли противоречия когда-нибудь сгладиться настолько, чтобы вновь стала возможной чисто сдерживающая и регулирующая функция консерватизма? Подобные надежды упускают из виду обратную сторону якобы «поглощающего» все конфликты «общества потребления». Прямо под тонкой

пластиковой оболочкой таится чудовищный потенциал взрывных возможностей. При этом не стоит думать лишь о ядерной угрозе и демографическом взрыве. Некоторые биологические и психологические эксперименты ничуть не менее опасны. Природные ресурсы растрачиваются в масштабах, неведомых ни одной предыдущей эпохе; тревожно возросшее искусство манипулирования мнением привело к интеллектуальному террору, которому хитрость придает злоупотребление гуманитарными лозунгами; традиционные общественные нормы взрываются, не будучи заменены новыми. Кроме того, значительная часть земной поверхности находится под контролем откровенно тоталитарных режимов, которые нельзя упускать из виду, даже если они не маршируют в коричневых униформах. Такова ситуация. Один лишь ее контурный набросок позволяет понять, что чисто выжидательный и оберегающий консерватизм в этих условиях столь же гротескный, как в 1945-м или в 1937 году.

«Органическое созидание»

В этой ситуации консерватор не должен позволять таким табу, как страх перед «идеологиями» или «радикализмом», преграждать себе путь к активному вмешательству. Он должен оставить позади идиллию «консерватизма-садоводства», если хочет сохранить последние возможности сопротивления сползанию к катастрофе. Эпоха революционных потрясений еще не осталась позади.

Чуткий к таким потрясениям ум, каким обладал некогда 35-летний Эрнст Юнгер, незадолго до начала Третьего рейха выдвинувший парадоксальную идею «органического созидания». Это уже тогда навлекло на него подозрения в «фашизме» — и как раз со стороны тех консерваторов, что после 1933 года, в отличие от Юнгера,

радостно взялись за «садоводство». Что же Эрнст Юнгер подразумевал под этим странным понятием? Он предчувствовал, что разрушения достигнут такого масштаба, который сделает невозможным любой подход, исходящий из статус-кво. Так его, по сути, консервативная мысль стала вращаться вокруг идеи «радикального» вмешательства, создающего условия, которые в свою очередь смогут вновь обрести статус «естественности». Этим он подразумевал прямую противоположность утопии, ориентированной на абстракции.

Утопии существовали для него не только на левом фланге. Юнгер был в те времена слишком большим реалистом, чтобы не видеть, что обывательский консерватизм (каким мы его обрисовали на примере принца Рохана) к тому моменту тоже выродился в утопию. Подобная «консервативная утопия» может на первый взгляд показаться менее вредоносной, чем откровенно разрушительные утопии другого крыла. Однако, впадая в нее, консерваторы не просто обрекают себя на украшенную изысканными вкусами бездеятельность и произвольность (что в конечном счете ударило бы лишь по ним самим). Консерваторы также берут на себя тяжелую ответственность, когда впадают в утопизм: этим они способны заблокировать в тупике те силы в обществе, которые оказывают сопротивление сползанию в пропасть и которые, в конце концов, тоже небеспредельны.

Уже довольно давно консерваторы зашли в тупик. Причина в том, что они не смогли осмыслить феномен «индустриального общества» — того общества, в котором мы живем. Четыре года назад это беспокойство ярко проявилось в сборнике под редакцией Фрайера, Папалекаса и Вайпперта «Техника в техническую эпоху. Позиции в исторической ситуации» (издательство Иоахима Шиллинга, Дюссельдорф–Мюнхен). В этой книге преимущественно консервативные авторы глубоко анализировали измене-

ния в нашей жизни, вызванные техникой. Показательно, что этот сборник — едва ли не единственный в правом лагере на фоне множества левых — остался замеченным учеными, но почти не привлек внимания самих консерваторов, не говоря уже о широкой публике.

Консерватор перед табу «Техники»

Как относится среднестатистический консерватор к технической цивилизации? Если кратко: для него это «бездушный» механизм, перемалывающий все «подлинные ценности». По его мнению, техническая цивилизация порождает тупых «массовых людей», реагирующих «как автоматы» — а значит, она «противоестественна», ведь естественное неравенство людей требует иерархического, ступенчатого устройства общества, если оно хочет быть жизнеспособным. Если этот закон игнорируется, иерархия все равно утверждается окольными путями и в искаженной форме. Кроме того, техника все больше сужает пространство «дикости» — нетронутого, неосвоенного, неорганизованного, без чьих резервов человек не сможет существовать в долгосрочной перспективе. Но усредненный консерватор обвиняет техническую цивилизацию, индустриальное общество не только в противоестественности, но и в антикультурности. Если в первом случае упрек звучит как «нежизнеспособность из-за отсутствия структурности и резервов», то во втором — как «бесформенность, монотонность, опошление, бесконфликтность».

Этот топос хорошо известен. Он возник, безусловно, не без оснований, и эти обвинения нельзя просто смахнуть со стола. Не случайно в человеке индустриального общества накапливаются угрожающие «фрустрации» — его охватывает нечто вроде душевной одышки. Однако среднестатистический консерватор обычно слиш-

ком упрощает подход к решению этих проблем. Он пытается обмануть себя утопизмом и забывает, что быть консерватором — значит принимать реальность, не сбегая в абстракции. Конкретнее говоря: недостаточно просто «воздерживаться» от технической цивилизации.

Во-первых, любая такая попытка остается на уровне кокетства: можно, пожалуй, отказаться от телевизора и, может быть, даже от телефона, но никогда — от подключения к водопроводу. Главное же — невозможно откатиться назад, за пределы технической цивилизации. И причина предельно проста: без нее невозможно прокормить нынешние людские массы. Даже жесткий контроль над рождаемостью тут ничего не изменит. Откат за пределы технической цивилизации потребовал бы заклания миллионов — а потому исключен сам собой. И тот, кто проповедует возврат к дотехническим условиям, умалчивая об этих последствиях, — пустозвонный болтун, будь он хоть справа, хоть слева от «истеблишмента».

Для консерватора, который не желает теряться в романтических грезах, есть только один путь решения проблем своего времени: пройти через индустриальное общество, прямо сквозь него. (Распространенная игра слов о том, что надо вести себя не «дотехнически», а «сверхтехнически», — это лишь снобистская перефразировка сказанного.)

Катализатор: баррикады

Обойти проблему техники невозможно. Если консерваторы до сих пор этого не заметили, то их должен был бы насторожить, по крайней мере, «бунт изобилия» 1968 года. Особенно парижские майские баррикады — *Les Événements*, «События», как целомудренно выражаются во Франции, — выявили кое-что, о чем прежде лишь

догадывались. В качестве пищи для ума консерваторам следовало бы меньше полагаться на книгу Джорджа Кеннана *Rebellen ohne Programm* («Бунтовщики без программы», издательство *Goverts*, Штутгарт, 1968) — это почтенная, но бесполезная арьергардная схватка либерально-го консерватора старой школы. Больше пользы им принес бы такой человек, как Раймон Арон, который по-настоящему погрузился в проблемы индустриального общества. Ему принадлежит важнейшая книга об анархобунте прошлой весны: *La Révolution introuvable. Réflexions sur la Révolution de Mai* («Неуловимая революция. Размышления о Майской революции», издательство *Fayard*, Париж, 1968). Она посвящена событиям в Париже, однако ее выводы справедливы и для ФРГ, и для англосаксонских стран.

Что французский профессор социологии подразумевает под *introuvable*, «неуловимой революцией»? Это игра слов со знаменитым выражением *chambre introuvable* — «бесподобная палата», как Людовик XVIII окрестил первую после Ста дней французскую палату, избранную в августе 1815 года, ибо в ней заседали почти исключительно сторонники монархии. Для Арона баррикады — подобный же дар небес. Хотя он и сам долгое время был сторонником де Голля, он видит в них не просто подарок для генерала, которому шок от баррикад помог победить на выборах. Арон приветствует баррикады скорее потому, что они «развенчали» как «партию революции» (Даниэля Кон-Бендита), так и «партию порядка» (голлистов).

Что же выявили «События» со стороны студентов на баррикадах? Низведя и социал-демократов, и французских коммунистов до уровня частей «истеблишмента», эти бунтовщики, конечно, присвоили себе левое знамя (традиционный красный цвет спорил с черным цветом анархии). Но при этом они как раз отказались от того, что до сих пор всегда было особой силой левых: а именно

от пафоса «идти в ногу со временем». Они бежали в доиндустриальные состояния сознания: система «прямого участия» каждого во всем попросту невозможна в предельно разделенной на части индустриальной системе.

Таким образом, левые поменялись с консерваторами ролями. Они, так долго купавшиеся в лучах авангардизма, теперь приняли на себя роль разрушителей машин и, следовательно, «отстающих от мировой истории». Консерваторов же их сопротивление бездумному разрушению неожиданно поставило на сторону индустриального общества, к которому они так долго относились с недоверием. Значение этого переворота еще вовсе не осознано в обществе, и даже самими консерваторами.

Виной тому, вероятно, является то, что на другом полюсе — у «партии порядка» — также произошло разительное разоблачение. Сам Арон признает, что не считал индустриальное общество столь уязвимым. Конечно, предвестием был, например, хаос, в который некоторое время назад погрузила целую провинцию США авария на электростанции. Но подлинный шок вызвали именно события мая 1968 года в Париже. Они показали, что крошечные группы, вопреки сопротивлению государства и могущественных профцентров одновременно, способны парализовать обширные секторы индустриального общества, поколебать валюту и задержать технический прогресс на годы.

Именно здесь, в последнюю очередь, консерваторы должны были бы понять, что они слишком легко отделались от «массового общества», этой якобы «бесформенной» и «сугубо механической» технической цивилизации. Они полагали, что должны черпать свои модели из ушедших общественных формаций, потому что лишь там видели подлинные иерархии и структуры. Это было ошибкой.

Два лица человека в индустриальном обществе

Консерваторы (кстати) впали и в другую пагубную ошибку. Существует диагноз современного общества, которым они себя усыпляют: они охотно утверждают, что большинство населения реагирует «консервативно» (что, между прочим, постоянно повторяется и своевольными мужами с другой стороны, вроде Карла Амери); «слева» же, на стороне революции, стоит лишь малое меньшинство. Там, мол, интеллектуалы и молодежь соединились в отнюдь не столь уж парадоксальный симбиоз с нуворишами из «шикарного общества» и «плейбойми». Что в этом есть доля правды, доказывает уже бессильная ненависть революционных группочек к оклеветанному как «истеблишмент» большинству. И это же читается по их ожесточению против рабочего класса, в котором снова должно быть пробуждено «революционное сознание». А у Арона мы читаем: «Всеобщее избирательное право — сила консервативная».

Часто в качестве доказательства этого тезиса приводят и победу де Голля на выборах 1968 года, спустя всего несколько недель после баррикад, равно как и мощный крен вправо на американских президентских выборах того же года. Но как раз парижские баррикады показывают, что здесь необходимо проводить различие.

Нет никаких сомнений в том, что очень многие французы, которые затем в голосовательной кабинке отдали свои голоса за де Голля, по меньшей мере в начале событий сочувствовали студентам-бунтарям. Для этого перелома отчасти приводились довольно поверхностные объяснения. Сначала, мол, оказался сильнее тот приступ «мундирного психоза», который знаком каждому французу, а потом люди, опасаясь экономических последствий, все же примкнули к традиционной «партии порядка» (которую другие предпочитают называть «партией страха»).

Шутники датировали момент перелома тем мгновением, когда юнцы с баррикад покусились на священнейшее достояние французов — их автомобили. Более серьезные наблюдатели указывали на неослабевающую силу якобинско-революционной идеологии.

В этом случае, вероятно, точнее было бы говорить не об «идеологии», а о «настроении». Человеку, который в книге Арона задает вопросы, на которые затем отвечает автор, бросилось в глаза, что подавляющее большинство французов во время волнений демонстрировало совершенно различные модели поведения — причем одновременно, параллельно и последовательно. Осторожный профессор выражается не так обобщенно, как его интервьюер, но и он видит, что по-настоящему «стабильны» лишь меньшинства, которые либо безоговорочно принимают индустриальное общество, либо столь же категорично его отвергают. Широкое же большинство колеблется в своих реакциях. В одном и том же человеке порой пробуждается стремление к революционному выкрику подавленного в нем, и он воспламеняется баррикадами; в другой же раз столь же неудержимо заявляет о себе потребность в «возвращении к реальности» и гонит его прочь из страны утопических грез. На уровне «общих идей», прекрасных в своей необязательности, он восстает с анархическим рвением против индустриального общества и его принуждения. На уровне же повседневной практики он стоит на стороне этого общества, от которого осознает себя зависимым. Кто не видит этой «шизофрени» человека в индустриальном обществе, тот никогда не поймет проблематику политики в так называемом «обществе потребления».

«Партия заботы»

Раймон Арон, кстати, не жалуется на понятие «общество потребления» как слишком полемичное. Он предпочитает более объективное название «производственное общество» или говорит просто об индустриальном обществе. И говорит он о структуре этого общества с безжалостной откровенностью. Оно отнюдь не может быть задумано, как полагают утописты, обществом равных. Иерархия общества достижений даже беспощаднее, чем иерархия старого сословного общества. Индустриальное общество не может быть построено, как мечтают «Новые левые», по правилам «прямой демократии», то есть при одновременном участии всех в обсуждении. (Арон: «Если уж есть какая-либо структура, которой парламентский дух изначально чужд, то это, вне всякого сомнения, любое экономическое предприятие».) Здесь, напротив, все решает делегирование полномочий и централизация. Индустриальное общество основывается на производстве — а оно невозможно без бюрократической организации и технической иерархии. Эгалитарная идеология и «эффективность» сталкиваются друг с другом.

Кто делает из этого вывод, что человек в индустриальном обществе — «лишь винтик», просто сменный компонент, короче: «массовый человек», — тот смотрит на действительность сквозь идеологические очки. Если такой человеческий тип вообще когда-либо существовал (а именно как повсеместный тип, перешагивающий через естественные различия между людьми более грубой и более тонкой организации), то уж наверняка не в индустриальном обществе. Его дифференциация вынуждает и человека к дифференциации. Чем больше кто-либо имеет дело с техническим аппаратом, тем лучше он знает, насколько чувствителен и уязвим этот аппарат. Если кре-

стьянин не подоит свою корову, это неприятно лишь для ближайшего окружения. Небрежность или саботаж отдельного рабочего могут иметь совсем другие последствия. В каждом отдельном члене индустриального общества живет довольно чуткое ощущение того, что добровольное сотрудничество каждого является предпосылкой функционирования этого общества.

Это и есть сторона «реальности» у человека индустриального общества, которая вновь и вновь выступает как противовес, как корректирующее начало по отношению к другой душе в его груди — душе эгалитарно-анархических мечтаний и аффектов. Поэтому и бессмысленно говорить о появлении «партии страха», когда такая корректура происходит. Вернее было бы — «партия заботы», или, несколько патетичнее — «партия ответственности». Ведь современные машиноборцы не случайно рекрутируются из двух категорий — молодежи и интеллектуалов: одни еще не вступили в существование в этом обществе, другие же способны с легкостью принести реальность в жертву абстракции. (При этом не следует упускать из виду, что иногда и секретари объединений могут быть интеллектуалами.)

Не оказываются ли консерваторы, признающие себя «партией заботы», тем самым внезапно по одну сторону с коммунистами? (С истинными коммунистами, разумеется, а не с нашими салонными.) Ведь и они не участвуют в этом машиноборчестве, а во Франции даже оказывали голлистскому режиму едва прикрытую помощь против «левых уклонистов», *enragés* («бешеных»). Не кроется ли тут нечто от фокуса, от называния заместителей Сталина «консерваторами»? Арон выражается здесь осторожно (что он, впрочем, как один из виднейших антикоммунистов послевоенных лет, может себе позволить): в так называемых социалистических государствах иерархическая стратификация индустриального общества при-

нимает частично иные формы, «вероятно, со смягчением экономического неравенства, но взамен — с усилением социальной дифференциации и возросшим значением политико-идеологической дисциплины».

Что ж, последнее указывает на решающее различие. В другом месте Арон говорит, что для индустриального общества, учитывая его зависимость от добровольной дисциплины каждого отдельного человека, «либеральность» столь же важна, как и «эффективность». Одно невозможно без другого. То, что народные демократии в значительной мере пытаются справиться одной лишь эффективностью, можно, конечно, прочесть по состоянию их экономики. В некоммунистическом же мире задача состоит в том, чтобы найти равновесие между эффективностью и либеральностью, не питая при этом перманентную «революцию» в обществе.

Консервативная дилемма

Консерватор выбрал себе эту действительность, и никакую другую. Для своей страны Раймон Арон определяет ее так: «Как долго и как уютно Франция будет вести себя как консервативный народ с революционной интеллигенцией. Народ компенсирует свой консерватизм революционной риторикой, в то время как для других революционная риторика служит удобным предлогом, чтобы презирать народ». Применительно к ФРГ с ее более шаткими основами это, пожалуй, можно перефразировать так, что из-за этой шаткости здесь дело даже не доходит до баррикад или стачек серьезного призыва; либертинаж фрустрированного индивида немецкого общества благосостояния пока ищет себе выходы, которые, как кажется, не ставят под угрозу само это общество (и его валюту).

Если консерватор не видит дилеммы, с которой сталкивает его нынешняя ситуация, некоторые скажут: он останется — комической фигурой. С одной стороны, от индустриального общества никуда не денешься. С другой — глубокий дискомфорт в этом обществе, прорвавшийся на поверхность во время студенческого бунта, не является ни случайностью, ни результатом злой воли. У этого глубокого дискомфорта есть веские основания. Снова процитируем Арона: «Индустриальное общество как таковое еще не производит смысла жизни. Впрочем, нужда и бедность — тоже».

Таким образом, задача состоит не только в том, чтобы найти формы жизни, примиряющие эффективность и либеральность. Задача также и в том, чтобы не дать поиску смысла жизни по-бунтарски вылиться в разрушительное бешенство. (Снова Арон: «Недостаточно сложить с себя всякую ответственность, чтобы быть хорошим демократом».) Если консерваторы хотят хоть в какой-то мере справиться с этими задачами, они должны обрести совершенно новый язык, должны прийти к новому мышлению и действию. И прежде всего они должны выбросить за борт очень много лишнего.

Например, мало пользы от осознания того, что индустриальное общество в соответствии с природой человека также имеет иерархическую структуру, если это осознание используется лишь для оправдания устаревших иерархий. У каждой эпохи — свои иерархии. Не только Арон предвидит здесь перемены, которые ставят под вопрос, пусть не власть принимать решения, но тем более «формальные иерархии», бездумно перенесенные из прежних времен. Действует на нервы, когда натыкаешься на «консерваторов», которые и сегодня разбрасываются словарным запасом Мезера или «Клуба господ», или энциклики *Rerum novarum* [«О новых вещах» — это первая социальная энциклика Папы Римского Льва XIII, опубли-

кованная 15 мая 1891 года]. Даже слова Берка, сколь бы верными они ни были в свое время, в нынешней, столь изменившейся ситуации превращаются в пустую болтовню.

Иными словами, консерваторам пора перестать бороться «органичного строительства». Это не значит, что они должны насильственно воссоздавать ту «дикость», в которой, как верили прежние консерваторы, протекала жизнь и которую техника все больше поглощает. Поступи они так, они поддались бы соблазну мифа о «нетронутом мире»; они упустили бы из виду, что мир человека с самого своего возникновения всегда был искусственным. Мы знаем: человек индустриального общества жаждет «естественности» — неприкосновенного, неорганизованного, неожиданного, непредсказуемого. Но было бы ошибкой искать эту нетронутость там, где когда-то простирались невозделанные земли. У Кокто — он был шутом, но шуты часто попадают в самую точку — есть характерная фраза из последних лет жизни. Когда его спросили, не хотел бы он еще раз слетать на Луну, он ответил: «О нет, у меня совсем другие путешествия в планах».

За короткое время расстановка сил изменилась до неузнаваемости. Ветер переменился. Казавшемуся неудержимым сползанию мира влево пришел конец. Перед консерваторами открылись возможности, о которых они еще год назад не смели и мечтать. Теперь им предстоит выбор: наконец-то вновь стать политической силой — или окончательно превратиться в главу истории одной из сект.